

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН
МАНДЕЛ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР
В МОНРЕАЛЕ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М23

Emily St. John Mandel
LAST NIGHT IN MONTREAL

Copyright © Emily St. John Mandel, 2010
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Арама Оганяна

Фотография на обложке:
© Ivan Ozerov / Stocksy United / Legion-Media.

Мандел, Эмили Сент-Джон.
М23 Последний вечер в Монреале / Эмили Сент-Джон Мандел; [перевод с английского А. Оганяна]. — Москва: Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-160568-1

Почему частный детектив преследовал Лилию Альберт большую часть ее жизни?

Лилия совсем не помнит своего детства. Всю жизнь она бежит, оставляя позади любимых и друзей. Она постоянно переезжает, меняет личности, как перчатки, и нигде не может остановиться. Но потом Лилия встречает Илая, и он не готов ее отпустить так легко.

Это история жизни, проведенной в центре уголовного расследования. Роман об идентичности, любви и памяти, глубинах и ограничениях семейных уз и, в конечном счете, о природе одержимости

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Оганян А., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО "Издательство "Эксмо", 2024

ISBN 978-5-04-160568-1

Посвящается Кевину

Часть
ПЕРВАЯ

1.

Никто не остается насовсем. Утром, в день исчезновения, Лилия проснулась рано и с минуту недвижно лежала в постели. Был последний день октября. Она спала нагишом.

Илай уже встал и трудился над своей диссертацией. Печатая изложение вчерашних изысканий, он слышал звуки пробуждения, шуршание одеяла, шлепанье босых ступней по паркету. Она мимолетно чмокнула его в макушку по пути в ванную; он заурчал в знак одобрения, не поднимая, однако, глаз, и по ту сторону едва приоткрытой двери включился душ. Пар и аромат абрикосового шампуня начали просачиваться сквозь щели. Она провела в душе сорок пять минут, как обычно. День был по-прежнему заурядным. Илай мельком взглянул на нее, когда она вышла из ванной. Лилия обнаженная — бледная кожа в махровом белом полотенце, влажные короткие темные волосы на лбу; встретившись с его взглядом, она улыбнулась.

— Доброе утро, — сказал он, улыбаясь. — Как спалось? — И принялся печатать.

Вместо ответа она снова поцеловала его шеvelюру и оставила цепочку мокрых следов до спальни. Он услышал, как полотенце мягко упало на пол, и ему тотчас захотелось пойти туда и овладеть ею здесь и сейчас; но в то утро он работал с такой *отдачей*, что ему было жаль терять вдохновение. Послышалось, как задвигается ящик комода.

Она вышла, облаченная по своему обыкновению во все черное, с тремя обломками бледно-голубой тарелки, липкой от гранатового сока, слетевшей с кровати прошлой ночью. Он услышал, как она бросила их в мусорное ведро на кухне, прежде чем прошагала мимо него в гостиную. Лилия встала перед его диваном, пробежала пальцами по волосам — не влажны ли; когда он взглянул на нее, выражение на ее лице было какое-то отсутствующее, и впоследствии ему казалось, что она над чем-то раздумывала, может, принимала решение. Но позднее, от многократного прокручивания лента событий того утра затерлась, и ему мерещилось, что, возможно, она просто-напросто думала о погоде, а еще позднее он готов был допустить, что она и вовсе не стояла напротив дивана, а всего лишь задержалась там на миг, который растянулся на пленке его памяти в отрезок времени, превратился в эпизод и наконец в ключевую составляющую сюжета.

Потом он утвердился во мнении, что первые несколько воспроизведений последнего утра вполне точны, но после стольких бессонных ночей и раздумий качество воспроизведения поблекло. Если посмотреть назад, череда событий становится рас-

пływчатой, образы накладываются друг на друга и слегка размазываются: вот она идет по комнате, вот целует его в третий раз, и почему он не поднял голову и не поцеловал ее? В третий раз она поцеловала его в макушку... и обулась. Она поцеловала его до того, как обулась или после? Он не знает наверняка, так это было или эдак. Позднее он станет рыться в своей памяти в поисках предвестников, и тогда все мельчайшие подробности стали казаться ему предзнаменованиями. Но в конечном счете ему пришлось сделать вывод, что ничего странного в ее поведении в тот день не было: утро выдалось, как и любое другое, исключительно заурядным во всех отношениях.

— Я за газетами, — сказала она. Следом за ней хлопнула дверь. Послышалось цоканье ее шагов по лестнице.

В тот момент он охотился по горячим следам за неуловимой цитатой, порхающей, как редкая бабочка, в тропических дебрях абзацев. Погоня требовала предельного напряжения сил; и все же потом он не мог отделаться от мысли, что если бы он просто оторвался от своих изысканий, то что-нибудь да заметил бы: выражение ее глаз, предвестники беды, может, билет на поезд в руке или слова: «Я покидаю тебя навсегда», — вышитые на ее пальто. Что-то все же показалось ему немного подозрительным, но он был поглощен захватывающей погоней за бабочками и пренебрегал этим до тех пор, пока где-то между заимствова-

ниями из андских наречий и забытыми языками древней Калифорнии он не взглянул на часы. Полдень. Он проголодался. Прошло четыре с половиной часа, как она ушла за газетами, ее влажные следы на полу испарились, и тут его осенило: впервые на его памяти она не спросила, захватить ли для него кофе из закусочной.

Он внушал себе, что нужно сохранять спокойствие, и одновременно осознал, что ожидал чего-то подобного. Он твердил себе, что ее отвлек книжный магазин. Такое вполне возможно. Еще ей нравилось кататься на поезде: сейчас она может быть на полпути из Кони-Айленда, фотографирует пассажиров, позабыв, который час. С этими мыслями он скрепя сердце возобновил погоню; его обвило кольцами некое предложение, и пришлось с полчаса нервно выпутываться из него, прилагая героические усилия, чтобы не заикливаться на ее зияющем и все более вопиющем отсутствии, а тем временем научные вопросы, которые он пытался прояснить, отошли от скуки на второй план. Понадобилось время, чтобы их задобрить и вернуть в центр внимания, по мере того как предложение было изуродовано до неузнаваемости, и пункт назначения абзаца был найден. Ко времени прибытия абзаца на станцию было пять часов вечера; она ушла за газетами еще утром, и глупо было воображать, будто ничего страшного не происходит.

Он встал, признав поражение, и принялся осматривать квартиру. В ванной все по-прежнему:

ее гребенка там же, где всегда — среди хаоса, на полке между унитазом и раковиной. Зубная щетка — где она ее оставила, возле серебристых щипчиков на подоконнике. Жилые комнаты — без изменений. Мокрое полотенце валялось на полу спальни. Она прихватила сумочку, как обычно. Но потом он посмотрел на стену спальни, и его жизнь аккуратно разломилась пополам.

У нее была единственная детская фотография. Сделанная «Поляроидом», подернутая молочной бледностью от солнечных лучей и времени: на табурете перед стойкой в закуской сидит маленькая девочка. Ее рука частично заслоняет бутылку кетчупа. Белокурая официантка с копной завитушек и пухлыми губами перегнулась через стойку. Фотографировал отец девочки. Они остановились в ресторанчике, где-то в дебрях континента, путешествуя некоторое время. Лицо официантки слегка лоснилось — признак сильной полуденной жары. Лилия рассказывала, что не помнила, в каком они штате, но запомнила, что это был день ее рождения. Фото находилось над его кроватью с того самого вечера, как она переехала к нему, ее единственный отпечаток в квартире, прикнопленный над изголовьем. Но когда в тот полдень он взглянул вверх, фотография исчезла, а кнопка была аккуратно вдавлена в стену.

Илай присел на пол, но ему понадобилась пара мгновений, прежде чем он решился приподнять край одеяла. Ее чемодана под кроватью не оказалось.

Потом он очутился на улице, передвигаясь быстрым шагом, но не мог вспомнить, как он туда попал и сколько времени прошло с тех пор, как он покинул квартиру. Ключи лежали в кармане, и он стискивал их так, что ладонь заныла от боли. Он прерывисто дышал, стремительно шагая по Бруклину, запоздало, в отчаянии кружа по окрестностям, с каждым разом захватывая все больше пространства, все книжные, кафе, магазинчики, которые, если следовать логике Лилии, могли бы привлечь ее внимание. Уличное движение шумело сверх меры. Солнце сияло слишком ярко. Улицы словно сговорились, подавляя его отталкивающей обыденностью. Книжные, кофейни, продуктовые лавки и магазины одежды делали вид, что все нормально, будто только что девушка не оступилась и не рухнула со сцены в провал оркестровой ямы.

Он осознавал, что было слишком поздно. И все равно доехал на метро до Пенсильванского вокзала и простоял сколько-то времени в зале ожидания, залитом сумрачным светом, скорее ради ритуала, чем в надежде на что-то. Ему хотелось хотя бы проводить ее, даже спустя четыре-пять часов после отъезда. Он неподвижно стоял посреди бесконечного миража мелькающих пассажиров; все тянули за собой багаж, встречали родных, покупали воду, билеты, карманные издания, чтобы скоротать время в поездке, бежали, чтобы не опоздать. Неотлучные солдаты Пенсильванского вокзала равнодушно поглядывали на него,

непринужденно положив руки на стволы винтовок «М-16».

В тот вечер раздался стук в дверь, и он мгновенно вскочил и распахнул ее настежь, думая, а вдруг...

— Сладости или гадости! — сказала сияющая мамаша-сопровождающая.

Она посмотрела на него, повторив заклинание, и быстренько подтолкнула своих подопечных к более перспективным дверям. Вся сценка продолжилась мгновение («Дети, идемте, вряд ли у этого милого мужчины найдутся для нас угощения...»), но все же запечатлелась в памяти. Впоследствии, когда мысль об исчезновении Лилии пронизывала его ознобом, то всякий раз перед глазами возникала картинка: оптимистично настроенная стайка охотников за сладостями (слева направо: вампир, божья коровка, вампир, привидение), как мираж на пороге — все не старше пяти, и самый младший (вампир, что слева) посасывает желтый леденец на палочке. Он узнал в ребенке девочку с четвертого этажа, которая время от времени закатывала истерики на тротуаре. Ей было годика три с половиной, и она улыбнулась ему липким ротиком прежде, чем он захлопнул дверь.

2.

Воспоминания Лилии о детстве были главным образом о парках, публичных библиотеках, номерах мотелей и, казалось, бесконечной вереницы ав-